

Чернова, М.С. Ф. К. Богушевич: в поисках белорусской народности / У ракурсе сучаснага асэнсавання: Межкафедральны зборнік навуковых прац. Філалогія / М.С. Чернова – Могилев, 2014

Чернова М.С. (Могилев)

Ф. К. БОГУШЕВИЧ: В ПОИСКАХ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Творчество Ф.К. Богушевича (1840-1900) ознаменовало начало развития нового, реалистического, периода в истории белорусской литературы XIX в. Наиболее значительные поэтические сборники Богушевича «Дудка белорусская» (1891) и «Смычок белорусский» (1896) вобрали в себя богатый фольклорный материал и познакомили с национально-историческими особенностями жизни белорусского народа. На страницах своих произведений Богушевич выступал как «народный заступник», говоря от лица белорусского крестьянина и на его языке.

Будучи студентом Нежинского юридического лицея, Богушевич оказался и в центре идеологической жизни Украины конца 1860-х гг. Годы жизни на Украине много значили в развитии общественно-политических и патриотических убеждений Богушевича. Как отмечал А. Луцкевич, «украинское влияние» стало вторым по значительности основанием, «на котором выростала белорусская идеология Богушевича» [1, с. 42]. Действительно, Богушевич интересовался украинской жизнью и хорошо знал украинский язык, любил на нем разговаривать и даже по-украински писал стихи. Начавшееся в среде «харьковских романтиков» и распространившееся в Киеве так называемое «украинское возрождение» сопровождалось становлением национально-патриотической идеологии, которая проявляла себя и в Нежине.

Нежинский лицей по праву считался центром национального украинского просвещения. Важной его составляющей была проблема возрождения национального языка. Причем украинский язык понимался как форма выражения национального духа, как неотъемлемая часть национального существования. Поэтому неслучайно именно в Нежинском лицее была предпринята попытка перевода Евангелия на украинский язык.

Подобных учебных заведений, способных участвовать в развитии национальной культуры, в Беларуси не было: «Сравнение с украинской ситуацией позволяет говорить о блокировании развития интеллектуальных предпосылок нациотворчества в Беларуси» [2, с. 69]. Да и сама общественно-политическая обстановка в Беларуси не способствовала развитию белорусского национального самосознания: влияние польского национально-культурного движения, процессы полонизации, а затем

русификации, отсутствие активной культурной жизни и высших учебных заведений.

В связи с этим можно предположить, что особенности украинского национально-культурного развития, которые Богушевич наблюдал, что называется, изнутри, позволили ему осознать все недостатки белорусского национального развития и обратить свой поэтический взор на поиск ценностных белорусских ориентиров. «Богушевич видел результаты самоотверженных передовых общественных деятелей в области создания национальной украинской реалистической литературы и искусства и убедился, что такую же литературу не только можно, но и необходимо создать и в Беларуси» [3, с.159]. «Что же мы такие горемычные?» - будет восклицать Матей Бурачок (псевдоним Богушевича), сокрушаясь о мизерности культурных достижений Беларуси по сравнению с другими славянскими нациями на рубеже XIX и XX вв.

Некоторые современные исследователи склонны делать спорные выводы о том, что в социальных категориях доли-недоли поэт осмысливал культурные права белорусского народа. «Наша доля-недоля» не имеет никакого социального наполнения - это только метафора определенных культурных проблем, которые нависли над белорусами», - подчеркивает Булгаков В.В.[4].

На наш взгляд, данный вывод нуждается в уточнении: культурные и социальные проблемы Богушевич рассматривал во взаимосвязи и взаимозависимости. Именно поэтому социально заостренные стихотворения поэта сопровождалась постановкой национально-идеологических и культурных проблем.

Из напечатанных произведений Богушевича наиболее важными для белорусского народознания оказались два сборника стихотворений: «Дудка белорусская» («Дудка беларуска») и «Смычок белорусский» («Смык беларускі»), в которых Богушевич первым из белорусских писателей возвестил о существовании белорусского этноса и самостоятельности белорусского языка, не являющегося наречием русского, польского или украинского.

Важно отметить, что в предисловии к своему сборнику автор апеллирует не к настоящему, а к прошлому белорусского народа. «Немало читал я старых бумаг, написанных на нашей земле по двести, по триста лет тому назад, и написанных большими господами, и на нашем чистом языке, как будто это сейчас вот писалось» [5, с.9]. Далекое прошлое для Богушевича являлось свидетельством существования не только белорусского языка, но и белорусской национальной государственности.

Фактически, он берет пример с польских писателей, этнографов и историков эпохи 1830-х гг., которые свои общественно-политические и нравственные идеалы находили в прошлом Польши, идеализируя ее аристократическую историю и мифологизируя ее королей.

Действительно, Богушевич рисует своеобразный миф о «золотом веке» для Беларуси, когда «в середине Литвы, ну как ядро в орехе, была наша земля – Беларусь». Причем он указывает конкретное место и время исторического бытия национально-культурного расцвета Беларуси: Полоцкое княжество и Великое Княжество Литовское.

Кстати сказать, именно это предположение Богушевича было с энтузиазмом подхвачено и развито белорусской историографией, хотя европейские ученые однозначно считают рассуждения о Полоцком княжестве и Великом Княжестве Литовском не более чем белорусским мифом [2, с. 81, 85].

Социально-политическое и национально-культурное угнетенное состояние белорусского народа заставляло Богушевича призывать к возрождению национальных традиций. Реставрация прошлого казалась ему актуальной задачей, связанной с решением другой проблемы, - национальной самоидентификации в настоящем.

«Братцы милые, дети Земли-Матери моей! – восклицал он в предисловии к «Дудке белорусской». – Вам жертвую работу свою, надеюсь с вами поговорить немного о нашей доле-недоле, о нашей родной исконной мове, которую мы сами, да и не одни мы, а все люди темные «мужицкой» зовут, а зовется она «белорусской» [5, с.10]. Богушевич сокрушался, что украинцы и другие небольшие славянские народы: чехи, болгары, хорваты – имеют книги, написанные и напечатанные на родном языке: «Детки их читают так, как и говорят». И только на белорусском языке говорить и писать стыдно – засмеют.

Именно родной язык для Богушевича – показатель жизни или смерти самого народа: «Много было таких народов, которые потеряли сначала язык свой, как и человек перед смертью, у которого язык отнимается, а потом и совсем пропали. Не оставляйте же языка нашего белорусского, чтобы не умереть!» [5, с.19].

Он считал, что язык – это единственный не подвластный времени атрибут национального бытия. Поэтому, несмотря на то, что белорусский язык не являлся церковно-служебным, Богушевич склонялся к его сакрализации: «Наш язык для нас святой».

На основе языкового критерия Богушевич определил территориальный критерий белорусского этноса: «Может быть, кто-то спросит: а где теперь Беларусь? Там, братцы, она, где наш язык живет: она от Вильни до Мозыря, от Витебска и почти до Чернигова, где Гродно, Минск, Могилев, Вильня и много городков и деревень» [5, с.16, 17]. Очевидно, под влиянием русского названия Украины – «Малороссия» - он именуется эту территорию Белоруссией, а ее жителей белорусами, тогда как немалая их часть считала себя поляками, русскими, литвинами.

Продолжая развивать основные идеи о развитии белорусского самосознания, в предисловии к своему следующему сборнику «Смычок

белорусский» Богушевич определил еще одну важнейшую задачу, сопутствующую национально-культурному возрождению, - проблему создания национальной литературы.

Ее решение он видел исходя, прежде всего, из своих демократических устремлений: литература должна изображать жизнь народа, существовать для народа и использовать язык, понятный народу. Поэтому Богушевич призывает литературу развивать те поэтические традиции, которые в своем творчестве выработал сам народ. Художественные произведения, которые вошли в сборники «Дудка белорусская» и «Смычок белорусский», явились ярким примером художественного воплощения этих эстетических убеждений поэта.

В программном стихотворении «Дудка белорусская», которое дало название первому сборнику Богушевича, поэт утверждал, что настоящая поэзия всегда созвучна народной жизни. Радостная жизнь — значит веселые песни. Но вокруг столько горя и несправедливости, что его «дудка» должна плакать.

Чтобы выразить свое гневное осуждение существующих порядков, Богушевич использует фольклорно-религиозный сюжет, распространенный в народных бытовых сказках о посмертном воздаянии власти имеющим за их алчность, стяжательство, злоупотребления.

В своих обличительных, остросоциальных произведениях Богушевич использовал и традиционное для фольклора противопоставление мира панов и чиновников и мира крестьян, угнетенных, обиженных, но продолжающих искать правду: «Бог неровно делит», «Не всем одна смерть», «Не чурайся» и др. Художественная образность стихотворений Богушевича, подчеркивающая их социальный смысл, тоже во многом сходна с фольклорной. Ветхая одежда бедняка светится, «*как рэшата*»; труд крестьянина непосилен, «*што аж вон яму прэ дух*»; пан толстый, его руки, «*як падушкі*», живот, «*як кісель*», крестьянин, высохший от работы, «*як аблатак*», тонюсенький, «*як кіот*». Традиционные поговорки, устойчивые фольклорные выражения, которые Богушевич использует в своих стихотворениях, получают у него дополнительный социальный смысл. Так, например, название стихотворения «Бог не ровно делит» и эпиграф к нему: «Бог сіроты любіць, але долі не дае» в контексте произведения подчеркивают мотив крестьянской «недоли», вековой невозможности бедняку выбраться из униженного, бедственного положения.

В соответствии с фольклорными традициями Богушевич наполняет свои произведения фантастическими эпизодами. Но и они, как и в народных бытовых сказках, выполняют роль иносказания, указывающего на определенные социальные обстоятельства. Так в основе стихотворения «Не всем одна смерть» лежит сказочный сюжет о смерти пана и мужика. Несмотря на традиционность композиции и образности, фольклорный

мотив приобретает условно-сказочный смысл и служит для усиления социальной направленности произведения.

Пан рисуется гротескными красками: он боится не смерти, он боится расстаться со своим богатством. Пытаясь запихать деньги себе «под брюхо», пан разорвал и свою одежду, и мешок с деньгами. Бедняк же, напротив, испытывая голод и страдания, сам призывает к себе смерть. Истрадавшаяся в земной жизни душа его не досталась черту, за что и смерть, и черт были наказаны «чартоускім судом».

Таким образом, Богушевич не просто литературно обрабатывал фольклорные мотивы и сюжеты. Он использовал их для изображения и оценки социальной действительности, что свидетельствовало о развитии тенденций критического реализма в его творчестве.

Знание родного белорусского фольклора, плодотворное его использование в своем художественном творчестве, глубочайшая любовь к простому белорусскому народу – все это позволяет считать Богушевича истинно народным поэтом.

Народность его творчества доказывает и тот факт, что произведения Богушевича получили вторую жизнь в белорусском фольклоре. Так его стихотворение «Здарэнне» из сборника «Дудка беларуская» породило народную шуточную песню: «*Ехаў я з Кіяна на Ваўкелы...*».

Сходство этой народной песни и стихотворения Богушевича «Здарэнне» было обнаружено В.П. Рогойшей, который с гордостью подчеркивал: «Конечно, сам факт бытования в народе произведений Ф. Богушевича очень знаменателен. При определении народности творчества писателя это значит гораздо больше, чем перечисление изданий его произведений или их общий тираж» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Луцкевіч Антон. Жыцьцё і творчасць Фр.Багушэвіча ва ўспамінах сучаснікаў // Спадчына. - 2000. - № 1-2
2. Lindner Rainer. Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weissrussland im 19. und 20. Jahrhundert. - Muenchen, 1999.
3. Майхровіч, С. Нарысы беларускай літаратуры XIX стагоддзя / С. Майхровіч С. – Мн. : Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства Асветы БССР, 1959. 323 с.
4. Булгаков, В.В. Об украинском влиянии на формирование идейного мировоззрения Ф. Богушевича / В.В. Булгаков // Мультиверсум. Філософський альманах. - К. : Центр духовної культури, - 2004. - № 41.
5. Богушевич, Ф. Творы – Мн. : Беларусь, 1967.
6. Рагойша, В.П. Пра фалькларызацыю літаратурных тэкстаў / В.П. Рагойша // Фалькларыстычныя даследаванні: кантэкст, тыпалогія, сувязі. Зборнік артыкулаў. Выпуск 3 – Мн. : Бестпрынт, 2006.